

ме Таможенного союза (далее — ТС) исследуемые им правоотношения регулируются международными договорами, заключенными в рамках ВТО и в рамках ТС. Нормы международного права, принятые в установленном порядке, имеют равную юридическую силу. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Договора о функционировании ТС международные договоры, заключенные в рамках ВТО и ТС, хотя и являются частью правовой системы ТС, но не находятся в иерархической подчиненности друг другу [4]. Следовательно, речь может идти только о конкуренции норм ВТО и ТС. В этом случае международные суды должны руководствоваться правилом *lex specialis derogat lex generali* (специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сильченко, Н. В. Система формальных источников современного права и проблемы правового регулирования правотворческой деятельности / Н. В. Сильченко // Журн. рос. права. — 2017. — № 10. — С. 13—24.
2. Занина, М. А. Коллизии норм права равной юридической силы: монография / М. А. Занина. — М.: РАП, 2009. — 134 с.
3. Принцип соблюдения международных договоров // Журнал российского права. — 2008. — № 6. — С. 124—142.
4. Решение Суда Евразийского экономического сообщества от 24 июня 2013 г. [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического союза. — Режим доступа: <http://courteurasian.org/page-20941>. — Дата доступа: 18.10.2018.

ФРАГМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАКТИКЕ ОРГАНОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ

*Колос Д. Г., Суд Евразийского экономического союза, e-mail: kolos@tut.by
ул. Кирова, 5, г. Минск, Беларусь*

Проблема фрагментации международного права анализируется в контексте осуществления юрисдикции органами международного правосудия. Автор обосновывает мнение о том, что система органов международного правосудия представляет собой горизонтальную, равноуровневую систему, характеризующуюся отсутствием «второй (вышестоящей) инстанции».

Ключевые слова: *фрагментация международного права; юрисдикция органов международного правосудия.*

Фрагментация международного права стала предметом анализа Комиссии международного права ООН в Отчете от 13 апреля 2006 г. и получила развитие в многочисленных доктринальных источниках. Процессы фрагментации международного права имеют особое значение в контексте определения компетенции органов международного правосудия. Отсутствие иерархической системы международных судебных органов, появление и эволюционирование региональных международных судов остро ставят вопрос конфликта юрисдикций международных судебных органов.

Существуют различные подходы к оценке происходящих процессов. Согласно одному из них система органов международного правосудия имеет иерархическую структуру, во главе которой находится Международный Суд ООН. Пред-

седатель Международного Суда ООН Ж. Гийом таким образом высказывался об угрозе единству международного права: «На региональном уровне Суды Люксембурга и Страсбурга развивают прецедентное право, в определенной мере отличающееся от общего международного права, например, относительно толкования международных договоров... Это очень опасное стремление... Суды и трибуналы...должны быть очень осторожны при формировании своего прецедентного права, которое должно оставаться созвучным практике Международного суда, который, в общем и целом, является основным судебным органом Организации Объединенных Наций, и юрисдикция которого признается *ipso facto* обязательной по всем правовым спорам согласно пункту 2 статьи 36 Статута. Более того, было бы весьма прискорбно, если бы по конкретным проблемам различные суды занимали противоположные позиции» [1, р. 862]. Выход из сложившейся ситуации Ж. Гийом видит в использовании механизма преюдициального запроса, аналогичного существующему в Европейском союзе, согласно которому любой международный суд, столкнувшись в рамках рассматриваемого им дела со сложным вопросом толкования международного права, может обратиться в Международный Суд ООН.

В противоположном ключе высказалась другой Председатель Международного Суда ООН Р. Хиггинс, которая полагает, что нельзя игнорировать причины, вызвавшие к жизни децентрализацию [2, р. 122].

Зарубежная доктрина, развивая идею признания фрагментации международного права в деятельности органов международного правосудия и негативно оценивая несоответствия между решениями различных международных судов в толковании одних и тех же норм, делает акцент на том, что в отличие от национальной системы судопроизводства международное правосудие, как правило, не применяет принцип *lis pendens*, согласно которому суд не может принять к рассмотрению дело, которое находится на рассмотрении другого юрисдикционного органа. В данном случае подлежат применению иные средства, такие как отклонение приемлемости заявления, процессуальной правоспособности или правового интереса в рассмотрении дела [3, р. 77—78].

Вместе с тем, проблема конфликта юрисдикций связывается учеными не с возможностью рассмотрения различными органами международного правосудия споров, вытекающих из схожих дел или даже из одного правоотношения. Как правило, перед судами ставятся близкие, но все же отличные вопросы в соответствии с их компетенцией, установленной учредительными договорами. Так, в деле о рыбе-меч перед Международным трибуналом по морскому праву был поставлен вопрос об обеспечении сохранения популяции рыбы-меч и свободы рыболовства в открытом море, прилегающем к исключительной экономической зоне на основании Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Перед Органом по разрешению споров ВТО в деле о рыбе-меч был поставлен вопрос о свободе транзита и запрете количественных ограничений согласно ГАТТ-1994. Проблема видится в невозможности международных судов ограничиться применением «собственной» системы права, в необходимости имплицитного применения (а при этом и толкования) права другой международной организации, в

рассматриваемом случае права ВТО Международным трибуналом по морскому праву и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., соответственно, Органом по разрешению споров ВТО [3, p. 86—87].

По нашему мнению, система органов международного правосудия представляет собой горизонтальную и равноуровневую систему. Органы, составляющие систему, имеют определенные взаимосвязи, которые проявляются, в частности, в использовании принципа *stare decisis*, в обращении международных судов к практике коллег, в детальном анализе всех аргументов ранее сформулированной правовой позиции. Наделение какого-либо из равноуровневых органов полномочиями суда «второй (вышестоящей) инстанции» противоречит как принципу независимости судебной власти, так и феномену дивергенции и конвергенции в современном мироустройстве, идее дифференциации и специализации в современном международном праве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Guillaume, G. The Future of International Judicial Institutions / G. Guillaume // International and Comparative Law Quarterly. — 1995. — Vol. 44. — P. 848 — 862.
2. Higgins, R. Respecting the Sovereign States and the Running a Tight Courtroom / R. Higgins // International and Comparative Law Quarterly. — 2001. — Vol. 50. — № 1. — P. 121—132.
3. Oellers-Frahm, K. Multiplication of International Courts and Tribunals and Conflicting Jurisdiction — Problems and Possible Solutions / K. Oellers-Frahm // Max Planck Yearbook of United Nations Law. — 2001. — P. 67—104.

РЕАЛИЗАЦИЯ СУВЕРЕННЫХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

*Кравченко О. И., Министерство иностранных дел Республики Беларусь, e-mail: Kravchenko.oleg@icloud.com
ул. Ленина, 19, 220030, г. Минск, Беларусь*

Рассматривается возможность взаимодействия Беларуси как суверенного государства с двумя доминирующими региональными торговыми блоками — Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом. Передача членами Евразийского экономического союза части властных полномочий на наднациональный уровень компенсируется наличием механизмов соблюдения суверенных интересов государств-участников, что может представлять собой новый элемент совокупности признаков суверенитета. Являясь членом Евразийского экономического союза, Беларусь может формализовать свои суверенные права в отношениях с Европейским союзом через заключение соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Суверенные интересы были бы обеспечены при условии взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Европейской комиссией вплоть до создания общего экономического пространства. Требуется корректировка позиция Европейской комиссии, уязвляющей возможность сотрудничества с Евразийской экономической комиссией с суверенными полномочиями лишь одного государства-члена Евразийского экономического союза, что не соответствует принципу суверенного равенства государств и предполагает де-факто непризнание Евразийского экономического союза в качестве международной организации.